

Хирург. Последняя надежда

Левсет Дарчев

Левсет Дарчев

Хирург. Последняя надежда

«Автор»

2020

Дарчев Л. Н.

Хирург. Последняя надежда / Л. Н. Дарчев — «Автор», 2020

Это захватывающее и в то же время драматичное произведение, которое погружает читателя в мир медицины, сопереживания и человеческой борьбы. Автор, ставя акцент на жизни и работе хирурга, не только раскрывает сложности тяжелых операций, но и показывает тонкую грань между жизнью и смертью, надеждой и безысходностью. Автор мастерски передает внутренние конфликты персонажа: профессионализм против человеческих переживаний, ответственность за жизни пациентов и собственные страхи. Эта глубина чувств заставляет читателя сопереживать герою и задаваться важными вопросами о моральных выборах, с которыми сталкиваются врачи каждый день. Это чтение призывает нас ценить каждую минуту, каждое мгновение и напоминать, насколько важна надежда в самые трудные времена. Произведение станет важным для всех, кто интересуется медициной, психологией или просто хочет заглянуть в неожиданную глубину человеческих отношений в условиях крайних испытаний.

© Дарчев Л. Н., 2020

© Автор, 2020

Левсет Дарчев

Хирург. Последняя надежда

ЧАСТЬ 1

В жизни главное – не годы, а содержание

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. ТРЕВОЖНОЕ УТРО

Она открыла окно, и холодный ноябрьский воздух ворвался в комнату. Лучи тусклого солнца, пробираясь сквозь облака, нарисовали остроконечную длинную геометрическую фигуру вдоль горизонта Каспийского моря.

С течением времени солнце становилось всё ярче и меньше. Наида с минуту постояла возле окна, желая глубже созерцать превращение тьмы в свет. День в день миллионы лет строго по графику. Откуда берётся столько энергии, чтобы крутить и вертеть огромные планеты и бесконечные пространства? «А я кто? Пылинка с четырьмя детьми и мужем, которые ещё спят и досматривают свои сладкие детские сны? Они проснутся и усыпят меня вопросами, на которые не всегда есть ответы».

Наида послушала – предрассветная тишина: город ещё спит, ни гула машин, мчащихся к центральной площади, ни шума дворовой детворы, из которого она запросто могла различать звонкие выкрики своих детей, особенно маленького Гамида. «Он уже задавал мне вопрос, почему солнце утром большое и красное, а потом становится маленьким и таким ярким, что ослепляет глаза». Я не смогла ответить – вмещался его отец и долго объяснял про преломление света и что лучи Солнца не сразу доходят до Земли. Гамид молча кивал, а потом проронил:

– Да, я понял, папа. Иногда я тоже бываю как солнце

– Это как, малыш? – спрашивает отец.

– Когда я прячусь от мамы и долго не выхожу, она кричит: «Солнышко моё, ты где?» – и я выхожу на свет.

– А где ты прячешься?

Гамид призадумался – он не решался выдать свой секрет.

– А маме не скажешь?

– Нет, конечно. Мужчины должны уметь хранить свою тайну.

Гамид улыбнулся. Он подошёл поближе к отцу и прошептал на ухо:

– Под столом.

Рашид долго смеялся своим басом, хватая сына пальцами за пухлую щёчку и потягиваясь, чтобы приложить губы к продолжению своей плоти.

– Хорошо, малыш. Я обещаю не выдать твою тайну, даже когда ты станешь большим.

Сегодня она встала чуть раньше. На то есть причина – день рожденья мужа. Придут гости – родственники и друзья. Прошёл час – она успела сварить кашу, заварить чай, отварить яйца и приступила к салатам на торжество.

Сзади скрипнула дверь кухни. И вот он – Его Величество Рашид – в спортивных брюках синего цвета, с голым торсом, с полотенцем, перекинутым через плечо. Он встал в проёме двери с зажмуренными, всё ещё сонными глазами.

– Привет, Найка, – буркнул он с виноватым оттенком. – И где я?

Наида отвернулась от газовой плитки и опустила руки.

– Доброе утро, – произнесла она с тонкой иронией в голосе. – Ты хоть помнишь, во сколько ты вчера вернулся домой?

– Не-а, – выдохнул Рашид, отнимая руку от дверной рамки. – Ещё раз такая охота – и я умру...

– Ты тратишь себя без жалости, – сказала Наида. – Тебе надо остановиться.

– Ничего не поделаешь, милая, – сказал Рашид. – Работа такая. Выходит, я сам себе враг. Сколько времени?

– Вон, посмотри – часы на стене за спиной. Увидел? Половина седьмого. Сейчас побежишь на море и без завтрака на работу.

– Нет-нет, – сказал Рашид. – С сегодняшнего дня я меняюсь: у меня будет строгий режим питания и отдыха.

Зазвонил телефон. Рашид покосился. Он знал, кто это может быть: Шихсаид или Айгум. Он почесал щёку и решил не отвечать.

– Ты возьмёшь трубку? – спросила Наида, указывая кивком на аппарат. – Может, с работы?

– Нет, это Айгум.

– Откуда ты знаешь?

– Не веришь?! – Рашид потянулся, снял трубку и с ходу прорычал: – Алло, какого чёрта ты меня будишь в такую рань?

– Ох! Рашид, я не успел голоса подать, а ты узнал, что это я. Как...

– У меня нет других знакомых, которые могут бесцеремонно разбудить меня так рано. Что случилось?

– Анекдот свежий. Хочешь?

Рашид поднял глаза на жену.

– Да, пошёл ты! – рявкнул он. – Если выходишь, выходи, а то прогулка будет без тебя. – Он бросил трубку на рычаг и лукавой улыбкой уставился на жену, одной рукой выдёргивая телефонную вилку из розетки. – Лучше выключить. Сейчас телефон нагреется от звонков. Детей разбудит. – Подержав вилку в руке секунду, он вернул ее в розетку. – Нельзя. С клиники могут позвонить.

– И вправду, как ты узнал, кто звонит? – спросила Наида, расслабляясь.

– Чутьё охотника, – проговорил Рашид, приближаясь к жене. Он подставил щёку. – Поздравь меня ещё раз, – сказал он.

Наида чмокнула.

– Поздравляю.

– Спасибо. Принимаю. А какой сегодня год? Вот чёрт, моя голова! На твой день рождения я отвезу тебя в Ялту.

– Не хочу. Я там была.

– Тогда в Сочи.

– Я там тоже была.

– И куда ты хочешь, милая?

– Тихо. Детей разбудишь.

– Вау! Почему они так долго спят?

– Как они встанут, если до одиннадцати вечера они ждали тебя? У них были планы на день рождения папы. А его нет!

– Ничего страшного – в их возрасте я не знал, что такое «день рождения». – Рашид изменился в лице, его черты напряглись. – Мне приснился отец – не знаю, к чему это. Его палец. Боль. – Рашид опустил на стул, засутулился и уставился в угол. Наида посмотрела на его лицо. Карие глаза спрятались под ровными арками бровей. Рашид был двояким, раздвоенным: один – открытый, заботливый, весёлый дома, другой – серьёзный, жёсткий, безжалостный на работе. Его боялись и уважали.

– Как он приснился? – спросила Наида, зная, что муж часто просыпается от чувств, что забыл сделать нечто важное.

– Забыл, – буркнул Рашид. Он тяжело поднялся и направился в душевую. Его взгляд застыл на зеркале, где видел своё отражение. Что изменилось? Морщины в уголках глаз, складка от крыльев носа ко рту. Он провёл рукой по щетине. Можно не бриться? Нет – слишком красноречивый аргумент на язык недругов в коллективе. «Ладно, не буду думать». Он взял в руку зубную щётку, задержал руку, потом передумал – лучше сначала побриться, затем уже скоблить кожу, чтобы казаться свежим.

«Как он мне приснился? Он говорил: «Забери мою боль. К чему это?»»

Рашид вернулся на кухню. Наида продолжала утреннюю стряпню, и так каждый день. Интересно, она не устаёт? А если спросить её об этом и она ответит, что устаёт? Что я смогу предложить ей? Помогать по кухне, надев передник? Нет! Мне плохо оттого, что она у меня в голове чаще, чем наяву. Она стала частью моей жизни, обладает высоким чувством собственного достоинства – дочь первого министра просвещения.

– Как дела у детей в школе? – спросил Рашид.

Наида задумалась, задержав вилку в воздухе.

– Всё нормально. Меджид – лучший в классе. У него всё хорошо с естественными науками.

Эмина в одной паре – ей ничто не угрожает: круглая отличница. Ее похвалили учителя по русскому и математике. А Тамара... – Наида запнулась и засмеялась.

– Что с ней?

– Вчера представляешь, что она мне заявила? – начала Наида. – Сумку собрала в школу, сидит и плачет. Спрашиваю: «Что случилось?» Отвечает: «Я не смогла решить задачу». «Почему, она такая сложная?» – спрашиваю. Говорит: «Не знаю. Я не смотрела»

– Вот хитрюга! – сказал Рашид. – А Гамид?

– Его характер портится с каждым днём. В садике – лидер, во дворе – лидер, дома тоже. Вчера порвал тетради Тамары, размазал чернилами дневник Эммы и косо смотрит на портфель Меджида.

Рашид издал короткий смешок, потом загрустил.

– На прогулку, наверное, не пойду.

– Почему?

– Хандра напала. Хочу уединиться. – Он сел на табуретку за столом, вжавшись в угол. – Сделай, пожалуйста, свежий чай.

– Чёрный или калмыцкий?

Рашид покатил голову по стене направо, продолжая думать, что лучше: калмыцкий или чёрный чай. Калмыцкий борется против вредного холестерина, укрепляет стенки сосудов и защищает лёгкие от вредных смол и никотина. «Это по моей части».

– Калмыцкий.

– А почему не чёрный? Он мне больше нравится. Кофеин способствует концентрации внимания и улучшает настроение. Ты сам говорил.

– Он мне сегодня не поможет. Он опасен людям с легко возбудимой психикой. К тому же, дорогая, он вымывает магний, ослабляя сердце.

– Как скажешь. Тебе виднее. Кто на кого учился.

Рашид оставил свой взгляд на обоях, поймав одну точку. Он вгляделся в орнамент и нарисовал себе образ человека с рогами и большими глазами. Он закрыл глаза и снова открыл – рисунок исчез: просто плетёные линии. Он наклонил голову, чтобы нарваться на прежний рисунок.

Наида, заметив движения его головы, спросила:

– Ты что там видишь?

– Так, мои мысли о прошлом, – произнёс Рашид. – Думаю, зачем я стал врачом, а не инженером или учителем. Вместе ходили бы в школу туда и обратно – и никаких забот! Я ввалил на себя очень тяжёлую ношу. Люди хорошие, люди плохие, больные, нервные...

– Вчера тебя показывали по телевизору.

– Да, ты смотрела?

– Конечно. Видел бы ты твоих детей – как они гордились, кричали: «Мой папа!» Вы вели себя слишком развязно и устроили балаган на всю республику. И что там делал Айгум?

– Группа поддержки, – сказал Рашид. – Зато ты видела, как красиво получилось. Как эмоционально – нарушили шаблоны и принятые нормы. Передача должна быть привлекательной. Знаешь, сколько звонков было, и корреспондент Комиссаров доволен! Без Айгума никуда: этот человек – мой друг.

ИНТЕРВЬЮ

Вдруг Наида поджала губу и задержала взгляд на знакомом профиле человека, который сделал себя сам: известный хирург, в 35 лет ставший доктором наук, профессором. Два Рашида: один – домашний, раскрытый, доступный, общительный, другой – служебный, с жёстким характером и беспощадным руководителем здравоохранения, закрытый, со своими принципами и деловыми качествами организатора. Но главное в нём – это хирург. Перед её глазами всплыло его вчерашнее интервью республиканскому телевидению.

Корреспондент с довольной улыбкой на лице и планшетом в руке:

– Дорогие друзья, я хочу представить вам всеми уважаемого известного хирурга Рашида Аскерханова. Он завтра, тринадцатого ноября, отмечает свой день рождения. Давайте спросим, как он всего добился. Может, получится раскусить его и узнать о его жите-бытье. Если понравится, то многие пойдут по его стопам в хирургию! Интересно ли быть хирургом, Рашид Пашаевич, и с какой профессией вы могли бы сравнить профессию хирурга?

– Извечный вопрос и банальный ответ: сапёра, – не задумываясь, ответил Рашид. – У нас просто последствия ошибок одинаковые: человек может погибнуть. Хотя, надо признать, есть небольшая разница: некоторые люди не захотят жить после ошибки хирурга.

– Вы кто прежде всего: хирург или учитель?

– Прежде всего я человек – такой же, как все. Я люблю вкусно поесть и хорошенько поспать.

– Получается? Не жалуетесь?

– Жалуюсь. Поспать не получается никогда, и это уже прямое свойство профессии хирурга – недосыпание преследует всю жизнь. А насчёт поесть мешает первое – занятость. Круг замкнулся.

«Он беспощадно тратит себя, – подумала Наида, сидя перед телевизором. – Работа, друзья, работа, и в последнее время прибавилась охота. Работа его изматывает: он мечтает выспаться, потому что из 32-часовой смены на сон он сможет потратить часа два-три. Иногда он “живёт” в больнице из-за непредвиденных ситуаций без стабильных выходных. Повседневный стресс, глубокая ответственность за больных, контроль ошибки персонала, слаженность его работы и жизнь на грани человеческих возможностей. Может ли он быть другим? Нет, не может. “Чем бездельничать час, я предпочитаю находиться в операционной два”».

– Вопрос насчёт отдыха, как я вижу, сам по себе отпадает.

– Не совсем так: у меня получается соединить профессиональную занятость с отдыхом в одном месте, и это место – моя дача.

– У вас есть принципы, которые можно нарушить?

– Если вы привыкли ездить на работу на машине, это не значит, что не нужно идти на работу пешком, если ваша машина сломалась.

– Понятно. Вы долго держите обиду на человека, если он чем-то провинился?

– Нет. – Рашид задумался. – Вообще-то, у этого вопроса много граней. Если такое обстоятельство есть на работе, то никак: обидам или другим гуманным чувствам не должно быть места – только работа хирурга.

– А в быту?

– А в быту... – Рашид опять задумался, глядя по сторонам. – На жену, что ли? Никогда. Потому что это мне невыгодно.

– Для вас существуют проблемы, которые не можете решить сами?

– Для меня проблема – это когда человек не может встать с кровати или дотянуться до стакана воды. Всё остальное – это надуманное самим человеком: деньги, богатство, авторитет.

– Что вы испытываете, когда берёте в руки нож и начинаете резать мясо?

– У меня давно стёрлись ассоциации сравнения мяса, крови, человеческой плоти. Я запретил себе всякие переживания о тех вещах, которые составляют мою профессиональную принадлежность. Я могу держать в руках сердце, так же как и стакан воды, нисколько не думая, что в одном – человеческая жизнь, а в другом – вода. Очерствение. Но! Есть огромная разница: воду я просто могу выпить, а вот с сердцем посложнее – там, за операционным столом, я чувствую огромную ответственность, хотя превращаюсь в машину со всем моим опытом и знаниями, интуицией, и становлюсь со скальпелем против смерти и чужой боли. В это время, хоть земля перевернётся, я – воин без сантиментов: главное – победа. Что касается сравнения, то скажу вам так: резать может любой, а хирургия начинается потом.

– Можете рассказать самый запомнившийся случай из вашей практики хирурга?

Рашид задумался, и наступила короткая пауза.

– Вас не затошнит?

– Нет.

– Это было в госпитале во время войны. Я ассистировал хирургу, когда, как нам показалось, успешно провели операцию офицеру на брюшной полости. Но через день после операции нас подняли по тревоге. Оказалось, после приступа кашля у пациента разошлись швы и кишки вывалились наружу...

– Всё, всё... – Журналист выставил руку вперёд. – Понятно, а то точно затошнит!

– Я предупреждал вас. Тогда приведу другой случай. На заре практики хирурга я оперировал молодого парня двадцати двух лет с переломом левой бедренной кости. Но допустил оплошность при сшивании сосудов – и проклятый тромб попал в сердце. Пациент умер, не приходя в сознание. Когда я вышел из операционной, мать парня задала мне вопрос, над которым я думаю до сих пор: «Доктор, надеюсь, мой сын не будет хромым?».

– Почему до сих пор?

– Потому что в ней ещё жила надежда, и мне так хотелось продлить в ней это состояние. Я сказал «нет». Это стало для меня большим уроком на всю жизнь, после которого я долго не мог прийти в себя.

– Да, печальный случай. У вас, наверное, тогда была тонкая кожа, а со временем выработались другие качества и привычки?

– Не когда-то, а сейчас тоже она тонкая. Единственное, что я научился делать и скрывать, – это насколько я расстроен и задет. Мне всё равно, что люди обо мне думают, но стоит меня позвать на помощь – я тут же приду и отзовусь. Мне не стыдно ни за что из того, что я сделал.

«Он никогда не сдаётся, – подумала Наида. – Он не убегает и верит в то, что он делает. Убедите его, что он не прав, – он тут же поменяет курс, извинится и начнёт действовать иначе.»

Он быстро принимает решения и ещё быстрее меняет их, если видит, что ошибся. Так что он уже нарастил себе толстую кожу, хотя порой бывает слишком доверчив. Это его слабость, когда он отношения с людьми начинает с доверия и порой они заканчиваются разочарованием. Но это его не останавливает, потому что его доверие имеет хитрое сплетение, как капитал, в своих подчинённых и коллегах. Когда приходит время или обстоятельства, он достаёт его, как оружие. Неплохо срабатывает. У него нет страхов и комплексов, и я никогда не видела, чтобы он прибегал к успокоительным таблеткам. Он озлобляет, он же и умиротворяет, он внушает страх и вместе с тем – уверенность. Он обожает поднимать волны, а потом успокаивать их. Люди сами потом создают о нём мифы. Его можно уговорить, но не запугать. Он научился доводить спорные вопросы до кризиса, потом одним манёвром вскрывать его, обрекая противника на неуверенность.

Иногда кажется, что вместе с ним идёт его аура, и ею он заполняет всё помещение. Выносливость и высокая работоспособность, наработанная годами, – его особенность: не отстанет, пока не завершит то, что начал. Он всегда выглядит уверенным, даже тогда, когда не знает и сомневается. Многое в нём для меня остаётся необъяснимым, и я уверена, что для него нет ничего невозможного».

– У вас много государственных наград. Какая из них самая главная?

– Уважение людей.

– А кто в вашей семье главный: вы или жена?

Он потёр нос, задумался.

– Жена. – Пауза. Журналист округляет глаза. – Спокойно. Это когда меня не бывает дома.

«Он – буря, я – скала, – подумала Наида. – Когда он бушует, я безмятежна. Когда он нетерпелив, я – само терпение. Он спешит, я – нет. Он снисходительный, но суровый отец. Звучный голос, соответствующий его телосложению, усугубляет чувство тревоги, которое он внушает другим, когда он злой. Он не столько смотрит на собеседника, сколько сверлит его глазами. Даже его смех, который раздаётся очень часто, и его любезность не помогают людям избавиться от напряжённости. Если он вам предложит чай, пейте сразу. Его настойчивость бесцеремонно продолжит: чёрный или зелёный».

– Если бы вам предложили возможность выбора другой профессии врача, какую бы вы выбрали?

– Я бы выбрал профессию ревматолога. Скучный врач, которого посетите, когда с вас будет сыпаться перхоть и вам будут безразличны последствия его лечения.

«Шутками он умеет говорить правду, – подумала Наида, – и странное дело: друзья не обижаются. Странное психологическое состояние, когда место человека занимает его авторитет, его харизма».

– В газетах ваша характеристика – клише? – спрашивает журналист. – «Криклив, безжалостен, вульгарен, несносен, упрям...» Это что, качества хирурга?

– Неправильно пишут: я спокоен как удав, сдержан и собран, – заявляет Рашид. – Хотя надо сказать, что хирурги сами по себе бывают жестоки, и, как правило, это оправдывается хорошими результатами, что способствует росту профессионализма и дисциплины коллектива.

– У вас есть хобби?

– Нарды.

«Конечно, нарды для него не только хобби, но и полное расслабление, – хотела его поправить Наида. – Айгум тут как тут: крики, ругательства и вечные споры...»

– Перейдём к вашему главному призванию – человека учёного. За какую научную работу вам присвоили звание кандидата наук?

– Это было давно, в 1948 году, и называлась кандидатская диссертация... сейчас вспомню... «Изменение костей голени при варикозном расширении вен нижних конечностей». Она целиком была посвящена проблеме лечения венозных заболеваний.

– А что сделало вас известным в научном мире?

– Я защищал свои открытия на международных конгрессах и симпозиумах. Мой доклад на первом Международном конгрессе флебологов в Париже «Некоторые вопросы патогенеза и исследования варикоза вен» вызвал в среде моих коллег резонанс и был переведён на многие языки мира. А на третьем съезде флебологов в Амстердаме я выступил уже с новым исследованием – «Новая систематизация патогенеза, клиники и лечения варикоза вен». Затем было моё выступление в Швейцарии с докладом «Костные изменения при хроническом венозном стазе». С другими докладами меня слушали в Чили, Аргентине, Франции и, конечно, в Москве.

– И к вам пришло мировое признание – вас можно назвать пионером в области современного изучения венозных заболеваний?

– Ну что вы! Варикоз существует столько же, сколько человечество. Его диагностировали и лечили задолго до Галена и Авиценны. В Сахаре нашли наскальный рисунок, на котором изображены танцующие люди с бинтами на ногах. Это варикоз времён пирамид и фараонов. Доказательством являются мумии с признаками варикозного расширения вен и следами проведённого лечения. Хотя не было ни малейшего представления об антисептике и подходящих хирургических инструментов, всё равно делались отчаянные попытки проведения операций. Гален удалял тромбы при помощи специального крючка, хотя люди умирали от заражений – не было антисептики. В лечении ног основоположником тугого бинтования был Авиценна. И в настоящее время компрессии являются неоспоримым фактором успешной реализации лечения варикоза вен. А из современников я бы отметил... Вообще-то, основателем флебологии в России считается Алексей Троянов, который использовал метод перевязки и резекции подкожной вены у её устья. Это было до революции. Потом этим до 1950 года мало кто занимался, считая вены пассивными трубками, несущими кровь. Не видели глазами, как обращается кровь в венах. Вот я и начал разрабатывать методы, которые позволили бы видеть разветвления вен и обнаруживать характер их болезни. Сеть венозных разветвлений несёт кровь из мельчайших сосудов в более крупные и в сердце. Для того чтобы увидеть поток крови в вене, обычно вводили специальный раствор. Закачка контрастирующего вещества в одну вену позволяла видеть поток крови только в одной вене. Это недостаток. Я же предложил впервые в мире осуществить ввод этого вещества в губчатую отдалённую кость, что позволило заполнить всю венозную сеть. Этот метод получил название «чреспятачная флебография».

– Это была тема вашей докторской диссертации?

– Одним словом, да. А на деле этому предшествовала многолетняя напряжённая практическая и теоретическая работа, которая включила в себя тысячи исследований на животных и анатомическом материале. Благодаря этому методу коллеги могли исследовать патологию заболевания вен и увидеть злосчастный тромб – как он «устроился», какова его динамика, – и на основании таких данных проводить оперативное вмешательство и реконструировать венозную сеть. А в качестве терапии в клиниках для лечения острых венозных тромбозов и артерий стали использовать лекарственный состав моей разработки.

– Хочу похвалиться: я знаю, как он называется: «коктейль лекарственный Аскерханова»?

– Да. Материалы по лекарству напечатаны в зарубежной медицинской литературе. Позже появились разработки микрохирургических операций не только на стенках, но и на клапанах

сосудов. Также появилась научная работа «Внутренняя и наружная коррекция клапанов вен по методу Р.П. Аскерханова».

– По этой тематике вы выступили с докладом в Париже, и известный французский флеболог Р. Фонтен предложил избрать вас членом Международной ассоциации флебологов.

– Да.

– Также по предложению Генерального секретаря Международной ассоциации хирургов Ж. Трюидена вас избрали действительным членом этого общества?

– Да.

– Вам удалось передать весь свой накопленный опыт и знания в подготовке дипломированных докторов и кандидатов наук, число которых перевалило за пятьдесят?

– Да.

– Можно ли назвать всё это «Школой Аскерханова»?

– Нет.

– Почему?

– Потому что скромность украшает человека, – быстро среагировал Айгум, пока профессор думал.

– Вам снятся сны? И что такое сон с точки зрения профессора медицины?

– Конечно. Мне часто снится мой отец, который говаривал: «Люди мужчинами не рождаются- ими становятся, благодаря стойкости и воле». Снится моё село Султанянгиюрт, где я родился. Сон – это разность напряжения в нейронах головного мозга, который старается снять это напряжение.

– А учителя ваши вам снятся?

– Учителей я часто вспоминаю, когда сталкиваюсь с проблемой. Конечно, как не вспомнить Некрасова, Петро, Александра Вишневого, Ризваша... С каждым из них связаны отдельные воспоминания. Например, когда умирал Соломон Израилевич Ризваш, мы с Нагорным смотрели за ним, желая продлить ему жизнь как можно больше. Это был человек с большим юмором. «Рашид, как думаешь, – спросил он меня, – куда мне хочется попасть: в рай или ад?» Я потерял дар речи. Он продолжает: «Дело в том, что у хирургов полно врагов и в аду, и в раю».

– Да, смешной хирург. Ещё один вопрос: если я попаду к вам в больницу, вы меня примете без очереди?

– Как же без очереди?! Время тоже лечит.

Ха-ха!

– Как вы думаете: мужская дружба может быть вечной? Я имею в виду вас двоих.

– Это спросите у него. – Рашид ткнул пальцем в Айгума, директора кумыкского театра.

– Наше общение с профессором не меняется, – ответил Айгум, вливаясь в беседу с улыбкой. – Мы можем не видеться день, месяц, а когда увидимся вновь, можем смеяться над какой-нибудь ерундой, как и раньше. Нет скованности. Такая дружба имеет шанс быть бесконечной.

– Хороший ответ, философский. И, наконец, последнее: что бы вы хотели сказать нашим телезрителям?

– Сделайте всё, чтобы к нам не попасть, ведь здоровье каждого в его руках. А так – я сделаю всё, что могу.

ПО ДОРОГЕ НА РАБОТУ

Сойдя со ступенек, Рашид направился к «Волге», которую он берег в гараже. Он ухватился за ручку двери гаража и, прежде чем дёрнуть ее, бросил взгляд на окно дома, где иногда ему на прощание махали детские ручонки. Но сегодня их нет: папа подвёл, и они не выпались.

Он погрузился в машину, откинулся на сиденье, чтобы поудобнее занять место за рулём, и только собрался запустить мотор, как сзади услышал сигнал машины, которая на повороте спешно, скрипнув тормозными колодками, въехала во двор. «Что за хрен?» – успел подумать Рашид, вывернувшись назад. Шихсаид – вот кто. Что могло произойти? Кто-то попал в больницу, и он пришёл просить о помощи? Шихсаид одним движением выскочил из-за руля и размашистой походкой стал приближаться к Рашиду. Друг с квадратным подбородком и взрывоопасным характером, неутомимый, как крот, разбирающийся в людях, как психолог. На лице – мина, готовая взорваться в любую секунду. Рашид высунулся из машины.

– Ты какого хрена не отвечаешь на телефонные звонки?! – громко прорвал своё возмущение Шихсаид, приблизившись к Рашиду и небрежно протягивая руку, чтобы поздороваться. Губы выпячены вперёд. Его привычка, когда внутри обуревают гнев.

– Потихе, парень! – прошипел Рашид, оглядывая двор и ещё не догадываясь, что могло произойти за ночь. Вчера они отдыхали, веселились, пили, смеялись, шутили. – Что люди подумают!

– Пусть, – успокаиваясь и несколько удивившись своей дерзости, мягким глуховатым голосом выронил Шихсаид. – Я примчался, чтобы спасти тебя.

Рашид застыл.

– Я не тону! – ворчливо огрызнулся Рашид. – Говори. Заболел, что ли?

– Хватит прикидываться, Рашид, – сказал Шихсаид. – Дело серьёзное, а ты улыбаешься.

Сосед Рашида, старый Иван Семёныч, проходивший мимо с ведёрком в одной руке, услышав высокий тон разговора, остановился и выпрямил спину:

– Рашид, помощь не надо?

– Нет, отец, – сказал Рашид. – Справлюсь сам.

– Смотри, а то я могу задать ему палкой! – Иван Семёныч помахал ею в воздухе и засеменил дальше. Он всегда в это время выбирался из дому, чтобы выбросить мусор и купить хлеба в магазине. Его старушка тяжело болела.

– Как тётя Валя, Иван Семёныч?

– Да так же, – сказал старик грустно и пошел дальше.

– Вообще... – Шихсаид замаялся на секунду. Ему не хотелось в такой день омрачать друга, но обстоятельства заставляли. – Есть решение вызвать тебя на ковёр в областной комитет.

Рашид нахмурил брови от неожиданности.

– Поступили жалобы на тебя... – продолжил Шихсаид. – Дисциплинарная комиссия...

– Откуда информация? – прервал его Рашид.

– Эй, брат, – протянул Шихсаид. – Из надёжных источников.

– Я всегда подозревал, что ты работаешь на КГБ, – решил съязвить Рашид и разрядить напряжение. – Что за сплетни?

– Пока ничего конкретного, – произнёс Шихсаид. – Жалоба министра за срыв строительства корпуса больницы, армейская дисциплина в коллективе и жалобы пациентов на... – Шихсаид запнулся – язык не поворачивался сказать такое.

– Что?

– На смерть больного и на взятки, которые якобы процветают в твоей клинике.

Сарказм исчез с лица Рашида, и он застыл, раздумывая о том, откуда растут ноги. Он открыл рот, но ничего не сказал, лишь пальцы забарабанили по рулю машины. Он зачесал висок и наморщил лоб.

– У тебя завелись крысы в коллективе, – тихо продолжил Шихсаид. – И скорее всего, это человек, который хочет занять твоё место. И знай: чем хуже тебе и клинике, тем лучше для него.

Тишина.

Рашид молчал. Он опустил руку и глянул на часы.

– Ладно, – буркнул он, положив руку на руку друга. – Мне пора.

– Надеюсь, ты сделаешь выводы, – сказал Шихсаид, готовясь отвернуться.

– Я догадываюсь, кто это, – сказал Рашид, выдыхая. – Это Камал. Ладно, вечером во сколько приедешь?

– Пока не знаю, постараюсь пораньше. Кубики на нарды поменяй, а то опять, когда проиграешь, будешь винить шашки.

– Да ладно тебе! Общий счёт в мою пользу.

– Ты хороший хирург, но математика у тебя хромает. Ты попутал меня с Айгумом. Его можешь надувать и обманывать, снимая шашки. Со мной такой номер не прокатит! – отдаляясь, продолжал лепетать Шихсаид.

– Может, пораньше увидимся?

– Не могу! – прокричал Шихсаид. – Я еду в Буйнакск и не знаю, во сколько вернусь.

– Кого-то ещё спасаешь?

В ответ Шихсаид лишь помахал рукой и залез в машину, дал по газам, задымил и с пробуковской исчез за угол дома.

Рашид подумал о дружбе, о спине, вспомнив постоянное напоминание отца: «Легче найти друзей, чем их сохранить».

Он вырулил на улицу и через минуту оказался перед центральной площадью имени Ленина.

«Итак, утро обозначило две проблемы: Меджид, которого надо будет обследовать, и секретарь обкома партии Камал Зурабов, который прицепился как клещ и портит мне жизнь со времени работы в госпитале в войну.

И чёрт знает, что ещё преподнесет сегодняшний день.

Мысль бурлит в голове, рисуя варианты, но хочется её опровергнуть. Всё-таки это – новость, и дело может быть более серьёзным, чем я представляю».

Рашид подсознательно с улицы Ленина свернул вниз по улице Дахадаева, проехал мимо Русского театра, сделал круг на привокзальной площади и направился обратно. Увидев гостиницу «Дагестан», принял вправо к тротуару, остановился и выключил зажигание, сам не зная почему. На лобовом стекле собрались несколько капель дождя – Рашид включил стеклоочистители и смазал их по всему стеклу, на котором образовалась жировая плёнка: он пожалел, что смазал пыль, образовавшуюся на стекле. Рашид потянулся к бардачку, достал сигарету, прикурил и затянулся, выдыхая дым наружу через открытую форточку.

Мимо него проходили люди, а он уставился на здание гостиницы, где он сформировался как хирург во время войны, – здесь тогда был организован эвакуационный госпиталь.

Он глянул на часы – половина восьмого. Значит, можно не торопиться и предаться воспоминаниям: всё-таки жизнь и есть воспоминания. Что-то с утра в день рождения на него напала хандра, и он начал прокручивать события детства, чтобы подвести черту в полном одиночестве и с сигаретой в зубах.

ЧАСТЬ 2

Родной дом – это всегда детство.

Село Султанюрт, где он появился на свет, состояло из одноэтажных домов одинакового типа: домик, двор, сарай, огород. Во дворе домашняя живность: две-три коровы, несколько овец, куры, гуси. А ещё – слякоть, по которой надо было чавкать, когда управляешь хозяйством. Рашид с малого возраста помогал родителям по дому, пас овец. В школу пошёл в семь лет,

и когда учительница Татьяна Сергеевна задала вопрос ученикам: «Кто кем хочет стать?» все высказали свои желания: шофёром, лётчиком, агрономом, министром... и только один Рашид оставил вопрос без ответа. Он виновато сказал: «Я не знаю – я ещё об этом не подумал». По классу прокатился смех, а учительница долго держала взгляд на чёрных вдумчивых глазах мальчика, который отличился от других и на этот раз. «Рашид, когда надумаешь, кем стать, обязательно скажи мне об этом, хорошо?» – «Да», – согласился мальчик.

Рашид находился во дворе под навесом с топором в руке, когда его отец Паша вернулся с работы раньше времени. Он сразу подумал, что что-то случилось.

– Ты опять с топором, сын! – возмутился он с порога. – Это опасно – топор может порезать. Сколько я буду говорить тебе об этом!

Рашид нагнулся и опустил топор на землю.

Отец подошёл близко и стал над его головой. «Сегодня папа не такой, как всегда, – подумал Рашид. – Злой. Лицо нахмуренное, глаза мечут искры».

– Нет, – возразил отец. – Ты поставь его там, где взял. В доме всё должно находиться на своём месте. Ты понимаешь?

– Да, – робко ответил Рашид, подбирая топор, чтобы отнести его на своё место на чурбане возле дров.

На шум на крыльцо вышла мать. Она вставила руки в бока – её любимая поза – и, осмотревшись по сторонам, вмешалась:

– Что тут происходит? – Затем, увидев мужа в неурочное время, съязвила: – А ты что, сбежал с работы?

– Заболел, – буркнул отец, показывая указательный палец. – Адские боли – надо поковырять иголкой. Наверное, заноза зашла. Уже два дня как болит, а я не обращал внимания. Боли невыносимые.

– А ну покажи. – Мать подошла поближе и взяла палец в свою руку. После того, как осмотрела палец со всех сторон, она вскинула голову и заявила:

– Это не заноза, милый.

Паша округлил глаза и открыл рот.

– А что это?

– Инфекция, – без раздумий уверенно выпалила жена. – Это инфекция: иголка тут не поможет.

– Это лучше, чем заноза? – спросил отец.

– Нет, это хуже – можно лишиться пальца.

– Но ты же... ты же лекарь, знахарь, повитуха – помоги.

Мама оцетинилась.

– Не помогу, – резко среагировала мать, отбрасывая палец и поёжившись. – Пока ты укоряешь меня в том, что я знахарь и повитуха, не помогу.

Мать была центром притяжения всех женщин, сплетен, и ни одна более или менее значимая разборка не проходила без её участия. Душа женской компании.

– Да ладно тебе, – сказал Паша с иронией. – Не скажу, пока ты лечишь меня. Откуда ты такая взялась у меня – женщина-огонь? Ты везде, где шум, где сплетни и разборки...

– Не твоё дело, – перебила жена. – Я же не вмешиваюсь в мужские дела. Что плохого в том, что я помогаю другим словом и делом? Я лечу, не калечу.

– Ладно, убедила, – сдался Паша. – Посмотри на палец.

Жена быстро оттаяла, приблизилась и осмотрела палец по кругу.

– Жди, – сказала она, отпуская палец.

Паша растерялся.

– Чего ждать?

– Пока я приду с родника, – проговорила жена. – Заберу травы у Сакинат.

Мать накинула на плечо кувшин и исчезла.

Рашид, всё это время следивший за диалогом родителей, сдвинулся с места.

– Болит, папа?

– Да, сынок.

– Воды тёплой принести тебе?

– Зачем?

– Когда у меня болит живот, мама всегда даёт воды – и у меня проходит.

Паша засмеялся.

– Это мама когда даёт, – произнёс Паша. – У неё волшебные руки.

Но руки мамы не помогли отцу. Не помог и сбор трав, не помог и варёный лук. На второй день Рашид с сочувствием следил за папой, который со вздёрнутым вверх пальцем ходил по двору взад-вперед. Мама больше молчала и не знала, что делать.

– Мама, а нельзя врачу показаться? – поинтересовался Рашид.

– Нет, Рашид, – ответила мама. – Один врач на всю округу, и у него много больных с серьёзными заболеваниями.

Отец не спал, не ел, не шутил. На третий день взял в руки бритвенный нож и сел на табуретку возле камина. В комнате было тихо – мама молчала, испробовав все методы народной медицины, и, зная, что сейчас сделает отец, напряжённо следила за ним.

– Папа, ты что собираешься делать? – испуганно спросил маленький Рашид.

– Я сейчас буду забирать боль, – сквозь зубы процедил отец, прикладывая лезвие ножа к опухшей коже.

Всё случилось мгновенно: отец резко срезал часть пальца, и отравленная кровь брызнула из открытой раны. Стон отца и крик мамы поразили сердце мальчика – в нём перевернулся мир, который он только познавал. «Я забираю боль», – стучало в голове мальчика, и его сознание подсказывало ему, кем надо быть, чтобы забирать чужую боль, – доктором.

В школу сегодня Рашид пришёл раньше всех. Он шёл по коридору уверенной походкой и остановился напротив учительской. Он постучал, затем тихо толкнул дверь. Его не смутили глаза учителей, которые одновременно посмотрели на него.

– О, Рашид! – отозвалась учительница Татьяна, которая, наклонившись, копалась в тумбочке. – Что-нибудь случилось? – испуганно спросила она, поднимая стопку тетрадей на стол.

– Татьяна Сергеевна, – прозвучал детский невинный голос мальчика. – Я знаю, кем я хочу стать, когда вырасту.

Пауза, затем раздался смех. Татьяна с улыбкой повернулась к коллегам:

– Он единственный в классе, кто не знал, кем хочет стать. Прошло несколько дней – и вот... – Она приблизилась к мальчику и, сев на корточки, тихо спросила: – И кем ты решил стать, Рашид?

– Доктором, – произнёс Рашид.

В кабинете раздалась вторая волна смеха.

После окончания школы мама, провожая сына в Хасавюрт, долго смотрела ему в глаза:

– Сынок ты уверен, что хочешь стать врачом?

– Да, мама, – ответил Рашид. – Я твёрдо решил помогать людям, чтобы они не болели.

– Ступай! – Она отняла руку с плеча мальчика, который в один миг показался ей повзрослевшим. – Я благословляю тебя, сынок.

Мать долго глядела на отдалявшуюся от неё фигуру сына, который так быстро повзрослел. Поджала губу, и слеза покатила по щеке. Она не успела впитать всю радость от каждого мгновения, проведённого рядом с ним. «Детство закончилось, и я никогда не верну ушедшее время и неосознанное счастье», – подумала она.

ФЕЛЬДШЕР

Отец привёз Рашида в Махачкалу для поступления в фельдшерскую школу. После поступления и сбора всех бумаг он получил направление в общежитие. Комнаты на четыре человека. Рашид впервые почувствовал, что отрывается от семьи, от привычной жизни. Он самый младший среди учащихся.

Отец сел на тумбочку и долго смотрел на сына, которому ещё не было четырнадцати лет.

– Справишься, сынок? Ты, вообще, хорошо подумал, что хочешь стать фельдшером?

– Да.

В комнату с шумом ворвались трое. Увидев Пашу, они быстро умили свою пыль и тихо поздоровались. Штаны у всех были мокрые.

– Вы откуда, ребята? – спросил Паша.

– Я из Хучни, – ответил один. Другой оказался из Хунзаха, третий – из Буйнакса.

– Я хотел спросить, откуда вы пришли такие мокрые.

Ребята засмеялись, пытаясь заглянуть назад, на штаны.

– А мы были на море, – хором ответили они. – После обеда пойдём смотреть вокзал, поезда и другие достопримечательности.

В то время в городе действовали две фабрики – нефтеперегонная и бумагопрядильная – и несколько цехов.

– Плавать хоть умеете?

– Не-ет, – протяжно в один голос промурлыкали они. – Будем учиться, а то можно утонуть, как сегодня один утонул.

Паша вздрогнул, а когда, покидая общежитие, прощался с сыном, дал отцовский совет:

– Ребята хорошие, но старше тебя. Не давай себя в обиду никому. Учись хорошо. Соблюдай дисциплину. И главное – на море не ходи. Это тебе не мелководный Сулак, а море.

– А на вокзал можно?

Паша понял, что Рашид вольётся в коллектив и вряд ли сможет удержаться от юношеских увлечений, и мир его с этого дня будет другим.

– Там тоже опасно, сынок. Можно попасть под поезд. Но я не могу подсказать тебе советы на все случаи жизни. Просто будь благоразумен и осторожен.

ПРАКТИКА В АНДРЕЙАУЛЕ

Три года в училище пролетели как один миг. Рашида направили на практику в Андрей-аул. Медпункт был расположен в центре села и представлял собой одноэтажный саманный домик с несколькими комнатами: коридор для ожидания, процедурная, палата для неотложного лечения и кабинет фельдшера. Привычный запах йода и медикаментов. Старая женщина – санитарка – толкнула ведро с тряпкой в угол и выпрямилась.

– Здравствуйте, – поздоровался Рашид.

– Её шерстяной клетчатый платок сполз в одну сторону, оставив открытыми чёрные блеклые глаза, нос и часть лица, на котором видны следы, оставленные оспой.

– Здравсьте, начальник, – отозвалась женщина. – Нам уже сообщили, что к нам направили нового фельдшера.

– Да, точно. Это я. Ознакомьте меня, пожалуйста, с обстановкой: что у вас есть, чего нету. – Рашид, увидев запас лекарств и медикаментов, заметил: – Да, у вас тут почти ничего нет! Кто должен обеспечивать медпункт лекарствами?

– Фельдшер, – бросил мужик с сигаретой во рту, который неожиданно появился за спиной санитарки. Похоже, это был её муж.

– У меня сын такого же возраста, как и вы, – сообщила санитарка, продолжая с любопытством изучать нового знакомого. – Я родила семерых детей, двое умерли. Работаю здесь со дня основания пункта в 1924 году.

«Зачем она мне это рассказывает? – подумал Рашид. – Я не могу вернуть ей умерших детей. Или она хочет вызвать у меня сочувствие? Сочувствую, и жалко, что люди болеют и умирают. Я постараюсь вам помочь».

– Мне нужно увидеть председателя сельсовета и вручить представление. Не скажете, как к нему попасть?

– Конечно, – ответила женщина. – Он такой зануда! До вас здесь работал хороший парень из Кизляра. Председатель его выжил. Но он, уходя, что-то сделал – отомстил ему. – Она прыснула. – И он болеет.

– Он ему надоел, – сказал мужик, оттряхивая пепел за порог. – Он всё время рассказывал ему, как спасал доктора Вишневого из реки Сулак.

– Ты скажи ему, что ты об этом уже слышал, – посоветовала санитарка и тихо засмеялась, обнажив рот с одним зубом.

– Хорошо. Скажу.

Протиснувшись бочком в покрашенную дверь, Рашид увидел сидевшего за Т-образным столом сельского правителя. На нём была трикотажная серая рубашка с закатанными по локоть рукавами. Стол был накрыт дешёвым зелёным сукном. В середине красовалась чернильница в форме лунки с коническим углублением, из которой торчала ручка с обычным канцелярским пером, обагрённым фиолетовыми чернилами. Мужчина захлопнул талмуд с набухшей по краям обложкой и поднял взгляд. Брови разрослись вверх и вниз одиночными седыми волосками, которые подчёркивали его преклонный возраст, лицо болезненного цвета было испещрено морщинами.

– Кем будете? – В его голосе были слышны властные нотки.

– Я фельдшер, и направлен к вам на работу.

– Да?! – удивился секретарь. – Такой юный! Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Гайдар в твоём возрасте полком командовал! Ты знаешь это?

– Знаю.

– Ну вот и хорошо. Что умеешь делать?

– Могу лечить.

– Ещё что?

– Могу не лечить, если у вас в медпункте нет лекарств.

– Это что, упрёк? Ты, наверное, уже осмотрел свои владения и успел услышать сплетни бывшего врача?

– Нет. Я здесь никого не знаю.

– Какой негодяй! У него закончились лекарства, и ему стало лень поехать в Хасавюрт – и начал лечить всех пургеном.

Рашид прыснул и засмеялся:

– Ну и как – помогло?

– Я ему пожаловался, что из-за мыслей в голове сон потерял. Он мне выписал лекарство. Два дня спокойно домой не мог добраться – шёл по маршруту от туалета к туалету. Вот негодяй! И знаешь, что он мне сказал? Зато теперь у вас в голове будет одна мысль. Не могу забыть его!

Рашид продолжал смеяться.

– Вы, может быть, чем-то обидели его.

– Я в своей жизни видел много врачей...

Рашид, опережая его слова, подумал о Вишневском, чьё имя сейчас должно прозвучать, как его предупредила санитарка.

– Но такого уroda не видел никогда!. Надо же додуматься до этого!

«У него точно отравление», – подумал Рашид и пожалел, что смеялся.

– Вам нужно провести очистку организма, товарищ председатель, – произнёс Рашид. – Нужно исключить из рациона острое, жареное и жирное. Больше надо пить жидкости: воду, компоты из сухофруктов и есть каши на воде.

Рашид ждал, когда же он перейдёт к рассказу о Вишневском.

– Вы сказали, что знаете многих врачей. И кто они?

Председатель, прищурился, задумался, как будто догадываясь, что в этом вопросе есть подвох.

Он дотянулся до чернильницы и сдвинул её на другое место. Мысли его, судя по сгустившимся чертам лица, бежали по образам. И почему-то он не посчитал нужным сообщить о своём друге детства Саше Вишневском, которого он спас от смерти, рискуя жизнью. И за это отец Саши, бывший военный офицер русской армии, подарил его нуждающейся семье корову. «Брехун, – подумал Рашид, – даты не совпадают».

В селе оказалось много больных. На следующий же день у порога и в коридоре пункта собралось много народу. Рашид по ходу дела составлял список инструментов, лекарств, инвентаря, которые с согласия председателя и при его содействии собирался запросить у руководства центральной больницы в Хасавюрте.

Рашид быстро завоевал уважение сельчан за отношение к больным и грамотное обслуживание. Он почувствовал в себе силы и уверенность. Но ненадолго. Дома, в селе Султаниянгиюрт, тяжело заболела старшая сестра Эмина, которая с самого детства была для него надеждой и опорой. Он чувствовал, что сегодня она нуждается в его помощи. Она была на попечении родителей и младшей сестры Рупии. Меджид учился на втором курсе Сельхозинститута, а Атия вышла замуж и у неё была своя семья.

Улучив время, Рашид поехал в село, чтобы забрать сестру и показать её опытным врачам в Хасавюрте. Но те лишь помотали головами и пожали плечами. Диагнозы одних не совпадали с другими. А сестра чахла с каждым днём. Рашид спорил с врачами, задавая им неудобные вопросы. Те удивлялись пытливости и аналитическим способностям молодого фельдшера, но предпринять необходимые меры не смогли. Эмина умерла, и это стало для Рашида отправной точкой в профессии врача: он погрузился в литературу и стал черпать знания самостоятельно.

МЕДИНСТИТУТ

Следующим шагом Рашида в профессии стало поступление в мединститут. Он блестяще сдал вступительные экзамены и в 1939 году стал студентом медицинского института. К тому времени его родители преждевременно постарели от тоски по дочери и непосильного сельского физического труда. Спасением для Рашида было то, что старший брат Меджид окончил сельхозинститут, вернулся в родное село и стал работать агрономом. Время бежало. На календаре 1941 год. Июнь...

Рашид, успешно сдав все экзамены и зачёты, в широкой белой сорочке с закатанными рукавами торопился на автостанцию, чтобы приехать домой и обрадовать отца.

На автостанции были необычная суэта и мрачные лица. Рашид подумал, что за день – пятница. Не получив ответа, он стал прислушиваться к разговорам людей, в которых всё больше звучало слово «война». Старший брат Меджид, работавший агрономом в колхозе, суетливо собирал свои вещи и прощался с родителями и молодой женой – он уходил на войну. Безмолвное приветствие и странный прощальный взгляд – всем известно, что с войны могут не вернуться. Мать плачет, отец молчит, младшие сёстры в недоумении.

Рашид взял протянутую твёрдую руку брата. Пожатие длилось дольше обычного. Глаза в глаза.

– Рашид, я тебя оставляю старшим. Позаботься о сёстрах, хорошо?

– Да, – скорбно произнёс Рашид. – Ты так говоришь, как будто уходишь навсегда.

Меджид посмотрел назад, чтобы убедиться, что никто не слышит.

– Брат, я ухожу не на свадьбу, – произнёс Меджид. – С войны человек может и не вернуться. Так что позаботься о родителях... – Он запнулся. Глаза покраснели от наплыва чувств. – Вообще, ты понял меня. – Он отвёл взгляд и молча стал снимать с руки часы. – Ты их хотел. Храни как память.

В военкомате столпотворение. Военком в звании лейтенанта в одной руке держит бумаги, а другой даёт команды и указания: кому-то на обследование, кому-то на собеседование, а кому-то на войну. Рашиду не повезло с направлением на двери:

– Пойдёте в военный госпиталь № 3187, подойдёте к начальнику Ризвашу. Понятно?

– Да, товарищ лейтенант.

Лейтенант, чтобы подать ему направление сделал шаг из-за стойки. А при следующем шаге его голова опустилась ниже обычного. Рашид перевёл взгляд на ногу офицера. Вместо ноги из брюк выглядывал деревянный заточенный брус. Глаза Рашида столкнулись с взглядом офицера, который догадался о его мыслях.

– Ампутировали, – ответил офицер на безмолвный вопрос Рашида, который повис в его глазах. – Живу, ничего. Знаешь, где находится гостиница «Дагестан»? Там у нас первый госпиталь за номером 3187 на 1200 коек. Как фронтовая база северной группы войск Закавказского округа. Оттуда идёт весь поток раненых.

– Знаю.

– Под госпитали отведены лучшие места города, – продолжил офицер, который был расположен к беседе. – Тридцать восемь школ, двадцать шесть общежитий, пятнадцать учебных заведений и семь гостиниц. Руководство над госпиталями осуществляет нарком здравоохранения М.С. Яникиан, эвакуогоспиталями занимается доцент О.Б. Бароян. Знаешь его – он преподаёт в вашем институте.

– Знаю.

– А других ваших – Цюпака, Владимирцева, Магомедову и Казанфарову – отправили в Дербент, в госпиталь номер 1628. Знаешь?

– Да.

– Удачи тебе. – Он потянул руку на прощание. – И ещё: скажи хирургам, пусть не отрезают ноги, если можно их лечить. Непривычно как-то, и всё время болит. И ещё я не женатый. Рашид грустно помотал головой.

– Хорошо, я скажу об этом хирургам. – Он выдержал паузу, желая спросить офицера, сколько же тому лет, но промолчал.

– Да, я скажу: «Не отрезайте ноги людям». Скажу.

Пробираясь к гостинице «Дагестан», Рашид мысленно представил ужасы войны: отступление советских войск под натиском врага по дорогам, по городам, просёлкам, где днём и ночью шли грузовики, пешие колонны, а рядом рвались снаряды. Тысячи раненых, искалеченных людей, которые нуждались в лечении... «Главное – ноги не отрезать».

СПРАВКА: ВОЙНА. ЭВАКОГОСПИТАЛИ

В 1942 году немецкие штурмовые отряды вошли на Кавказ, подогреваемые уверенностью в лёгкой победе. Поскольку основные советские силы были сосредоточены на обороне столицы – Москвы – и Ленинграда, лучшего момента для оперативного наступления было не

найти. Оккупация Кавказа решала главную задачу вермахта – обеспечение наступающих войск бакинской нефтью и хорошим стратегическим плацдармом.

Сталин, как выдающийся военачальник, не мог не осознавать последствия захвата Кавказа врагом. Поэтому оборона Кавказа и его обороноспособности выступила на передний план боевых операций по фронту. Вместе с тем контролируемое отступление на Кавказе было стратегическим манёвром Сталина, о котором вермахт даже не догадывался. Увлечённые и опьянённые успехами и ни о чём не догадываясь, немцы сосредоточили на Кавказском направлении шесть дивизий. Против них стояли три советские армии, которые оттягивали силы противника подальше от главного стратегического центра – Сталинграда. Немецкие части растянулись, тыл расширился и ослабел: танковые соединения останавливались из-за нехватки горючего, а советские соединения, которыми руководил командарм Будённый, больше стояли на местах, получая подкрепление строго по регламенту. Правда, были ошибки из-за кавалерийского мышления командарма, который по-прежнему считал кавалерию самым эффективным средством для решения исхода сражения. Кроме советской армии у немцев появилась ещё одна проблема – горы, против которых их техника была бессильна, а их прославленные горные егеря оказались бессильными против местных красноармейцев, которые знали каждый кустик.

Шла война, и шёл поток раненых, которых надо было лечить и возвращать в строй. Дагестан стал прифронтовой зоной и местом, где была организована сеть эвакуационных госпиталей. К началу 1942 года были организованы несколько десятков госпиталей на 9000 коек: в Махачкале – 20, в Дербенте – 10, в Буйнакске – 16, в Каспийске – 13, в Избербаше – 2, в Хасавюрте и Кизляре – по три. В Махачкале функционировали госпитали № 3187 на 1200 коек в гостинице «Дагестан», № 1614 на 600 коек, № 4650 на 1200 коек в механическом техникуме, № 4651 на 350 мест в школе № 5, № 2924 на 1200 коек в здании пограншколы...

В Махачкалинском госпитале № 3187 под начальством доктора Д.Н. Розена был организован специальный корпус на 300 мест со специализированными отделениями: хирургическое на 80 коек с начальником Р.А. Цюпак, челюстно-лицевое, возглавляемое профессором М.М. Максудовым, на 50 коек, неврологическое под руководством Х.О. Булача – на сто мест, отоларингологическое под руководством доктора В.А. Лихтенштейна – 50 мест, глазное – на 50 мест

Ведущий хирург челюстно-лицевого отделения госпиталя № 3187 М. Максудов восстанавливал обезображенные ранением лица и своим благородным трудом помогал советским воинам освободиться от физических и моральных травм.

В эвакогоспитале № 5011 доцент М. Нагорный применял методы вторичного шва, костной и мышечной пластики, благодаря чему в короткие сроки к раненым возвращалась общая трудоспособность. Под его наблюдением молодые врачи, воспитанники Дагмединститута, осуществляли сложные операции по реампутации конечностей, ранений грудной клетки и живота.

Начальником эвакогоспиталя № 1614, прибывшего в Махачкалу 11 ноября 1941 года и размещённого в школе № 13, был заслуженный врач ДАССР С.Ю. Алибеков, затем коллектив госпиталя возглавил доктор Ф.А. Голубцов. Здесь работали врачи А.В. Черняева, А.А. Ерёмкина, К.Д. Бочарников, Р.И. Израева, А.А. Зайденберг и др.

Ведущим хирургом был проф. И.Ф. Маклецов. Часто посещали госпиталь и консультировали больных профессора Дагмединститута В.Г. Божовский, А.Г. Подварко, М.С. Доброхотов, И.Н. Пикуль, А.В. Россов. Средний и младший медицинский персонал госпиталя состоял главным образом из числа жителей Махачкалы.

На внутригоспитальных курсах за короткое время было подготовлено свыше ста фельдшеров и санитарок. Прежде всего они были обучены технике переливания крови. Этой сложной и ответственной процедурой лучше всех овладели медсёстры М.П. Лосева, У. Сулханова, Е.А. Лукина, А.Е. Мережкина, Х.М. Рахматуллина (впоследствии отличник здравоохранения СССР) и др.

Свыше 33 тыс. бойцов получили в этом эвакуогоспитале медицинскую помощь. Одновременно здесь могли разместиться более 1200 раненных воинов Красной армии. Благодаря хорошей постановке лечебной работы коллектив эвакуогоспиталя № 3187 добился возвращения в строй более 70% поступивших на лечение бойцов.

Между тем ни на один день не забывали о развитии медицинской науки: в госпиталях были организованы курсы повышения квалификации, чётко налажено шефство над молодыми специалистами. День за днём в госпиталях шла кропотливая работа, причём ни одна хирургическая операция не повторяла другую – всё время шёл поиск новых методов лечения.

В Дербентском госпитале под руководством доктора А.Ф. Серенко внедрили эффективный метод лечения, который способствовал выздоровлению раненых солдат. Новый метод повязки военного врача Пономаренко – «фиксирующая гипсовая при переломах плеча» – не только сэкономил перевязочный материал на пятьдесят процентов, но и облегчал состояние больного. Здесь также отличились врачи Цюпак, Рейслер, Шаповалова, Синько.

В 1942 году в Дагестане была создана фронтовая госпитальная база северной группы войск Закавказского округа, через который шёл основной поток раненых. Управление госпиталями разработало специальные мероприятия по неукоснительному соблюдению санитарного режима обслуживания раненых.

Полевая санитарная служба северной группы войск Закавказского фронта признала группу госпиталей Дагестана единственной базой передового этапа эшелонированного лечения. Быстро был решён вопрос о создании госпиталей для реэвакуации, а в самих госпиталях – реэвакуационных отделений. На основании приказа Наркомздрава ДАССР по отделу эвакуогоспиталей, принятого 28 мая 1942 года, было решено создать в здании кинотеатра «Комсомолец» сортировочный госпиталь.

Для лечения в госпиталях активно стали применяться физиотерапия, лечебная физкультура, диетическое питание и переливание крови. Госпитали стали получать помощь от населения: около двухсот организаций Дагестана шефствовали над ними – люди несли тёплые вещи, овощи, фрукты, ухаживали за больными, сдавали кровь.

В госпиталях была налажена культурно-массовая и партийно-политическая работа: три раза в неделю показывали новые кинокартины, артистами театра им. Горького часто проводились концерты. Покинув стены госпиталей, воины откликались с фронтов в благодарность за заботу и внимание:

«...Мы – красноармейцы, сержанты и офицерский состав – многие прибыли в эвакуогоспиталь № 3187 в бессознательном состоянии, совершенно не могли двигаться, сами не верили в спасение наших жизней. Однако, прибыв в этот госпиталь, мы с первого дня были окружены большим вниманием и заботой со стороны медперсонала госпиталя. Они отдавали все свои силы, все свои знания в дело восстановления нашего здоровья и нам сейчас не только спасли жизнь, но и сделали нас способными воинами, дали нам силу и здоровье ехать вновь на фронт – добывать кровавого врага. Большая заслуга в этом принадлежит начальнику эвакуогоспиталя, подполковнику м/с Розен и зам. по политчасти капитану Сафаралиеву, а также докторам т.т. Рабаталову, Лихтенштейну, Максудову, Гениснан, Гуляницкому, Джангуватовой, Фисенко и хирургу Цюпаку Роману Александровичу, проф. Булач, док. Чудносоветову и Зубову».

В марте 1942 года Наркомздрав РСФСР издал приказ о привлечении научной медицинской общественности к обобщению опыта лечения раненых в госпиталях и разработке практических мероприятий по дальнейшей организации госпитального дела. Во исполнение этого приказа при Наркомздраве Дагестанской АССР был создан госпитальный совет, в который вошли 20 человек. Среди них – профессора С.И. Ризваш, С.М. Петро, В.Г. Будылин, И.И. Шаров, А.Г. Подварко, О.А. Байрашевский, И.Н. Пикуль, Х.О. Булач, доценты Д.Г. Коваленко, Н.Т. Гительман, Е.М. Варшавский, Н.А. Сергулин и др.

В июле 1943 года в Дагмединституте прошла научная конференция, посвящённая 25-летию советского здравоохранения. На конференции было заслушано 28 докладов, большая часть которых посвящалась практике лечения больных в госпиталях Дагестана. Всего за годы войны было проведено 8 республиканских совещаний медицинских работников, 4 научно-оборонных съезда врачей и 53 межгоспитальных научных конференции. На республиканских совещаниях и съездах врачей было заслушано 238 научных докладов, на межгоспитальных конференциях – 111 докладов и 30 демонстраций.

ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ В ГОСТИНИЦЕ «ДАГЕСТАН»

На пешеходном переходе перекрёстка ул. Дахадаева и Вокзальной Рашид, услышав сигнал грузовика, который вырулил от госпиталя в сторону вокзала, ускорил шаг и стал взглядом провожать его, пока не скрылся за поворотом.

– Ещё утро, а уже третья машина, – проговорила пожилая женщина, сидевшая на первой ступени лестницы, ведущей в госпиталь. – Раненых везут без конца.

– А вы почему здесь сидите, мамаша? – спросил Рашид. – Машины считаете?

– Нет, – ответила женщина. – Я приехала к сыну. Он попал сюда десять дней назад. Я скоро заберу его домой.

– А как зовут?

– Нестеров. Капитан Нестеров. Лётчик. Его оперировали, и его уже выписывают.

Рашид кивнул в знак сочувствия, но промолчал. В госпитале тысяча пациентов – кто знает о лётчике Нестерове?

– Он подбил много немецких самолётов, – продолжала мать, – у него много орденов. Он ещё совсем молодой. Я буду ждать его здесь. Я не хочу уходить.

Двадцатидвухлетний студент мединститута Рашид Аскерханов – высокий, с зачёсанными назад волосами, – толкнув массивные двери с тугой пружиной, переступил порог госпиталя. Дверь оглушительно хлопнула, и Рашид от неожиданности вжал голову в плечи. Из вестибюля вправо и влево – широченные коридоры, тоже со сводами. Внутри он оказался среди суеты: молодые сёстры с тазиками, шприцами, бинтами в руках мечутся по коридору с высокими потолками. Врач в углу под лестницами заполняет карточки. Дежурная сестра – полусонная, с пилоткой на голове, из-под которой торчат копны непослушных волос, – сидит за столиком возле стены под портретом Сталина. Увидев Рашида, она зашевелилась и по-военному спросила незнакомца:

– Вы к кому?

Рашид подошёл близко к столу и уставился на орден Красной Звезды, красовавшийся на груди сестры.

– Ух ты! Вы герой, вынесли с поля боя двадцать пять раненых?

Сестра оставила восхищение незнакомца без внимания.

– Вы к кому?

– Я знаю, – продолжал Рашид, проигнорировав вопрос дежурной. – Пятнадцать раненых с их оружием дают награду «За боевые заслуги», двадцать пять раненых – орден Красной Звезды, а сорок – Орден Красного Знамени. Ваш случай – второй. Так? А почему вы сонная на боевом посту? И как вас зовут?

Сестра вдруг выправились и стала смотреть за спину Рашида.

Рашид оглянулся и увидел пожилого грузного мужчину в белом халате и очках, с тонометром, подвешенным через шею.

– В чём дело, молодой человек? – спросил он сиплым голосом. – Вы из мединститута?

– Да, – ответил Рашид.

– Вам интересно, почему она сонная? – произнёс он прозаически. – Я отвечу. Ей с утра довелось разгружать прибывшие с вокзалов автомашины с ранеными, потом таскать беспомощных людей на перевязки, на рентген, мыть, скоблить полы в палатах, топить печи, стирать и сушить бинты, простыни, солдатское бельё. Помимо этого – уход за ранеными, помощь в операциях, перевязки, уколы, раздача лекарств, бессонные дежурства... Я посмотрю на вас через пару дней – как будет улетать с вас спесь! Следуйте за мной.

Рашид молча повернулся, чтобы последовать за широкими плечами врача госпиталя. Потом, быстро вернувшись к столу дежурной и храня на лице ухмылку, тихо спросил:

– Кто это?

– Хирург Петро.

– Это имя или фамилия? – спросил Рашид. – А как по отчеству?

– Никак. Его просто зовут Петро.

– Почему?

– За гениальность, – заключила дежурная.

Петро остановился и оглянулся.

– Молодой человек! Следуйте за мной! – Приказной тон.

– И что мне будет? – успел спросить Рашид у медсестры.

– Неделю будешь дежурить на кухне, – с угрозой и улыбкой произнесла дежурная.

– Да, хорошая перспектива, – произнёс Рашид. – Ты мне так и не сказала, как тебя зовут. –

Он побежал догонять Петро, но, сделав несколько шагов, вернулся опять.

– Там женщина ждет сына Нестерова, – сообщил Рашид с состраданием. – Поможете ей?

– Нет, – коротко выдохнула медсестра.

– Почему?

– Потому что ее сын умер два дня назад. Когда ей сказали об этом, она сошла с ума.

Рашид замер с открытым ртом.

– Юноша! Следуйте за мной! – Рашид вновь услышал голос Петро. Его хорошее настроение и спесь улетучились окончательно, как только в коридоре он увидел раненых бойцов: перевязанных, стонущих, прикованных к постели. Ужас! И таких здесь тысяча двести человек?

Петро в нерешительности остановился перед дверью кабинета главврача с поднятой в локте рукой, чтобы постучаться: оттуда доносились голоса на высоких тонах. Через несколько секунд он побарабанил в дверь согнутым указательным пальцем.

– Войдите! – крикнул злой голос.

ССОРА

Вот он, начальник госпиталя Дмитрий Николаевич Розен – старый, с седой головой и решительным взглядом, организатор и доктор наук. Напротив него сидит худощавый молодой офицер с линии фронта.

– Что за ругань? – робко поинтересовался Петро.

– Саша, ты знаешь, с какими претензиями он приехал к нам из штаба армии? – спросил главврач. – Он нас обвиняет в том, что мы умеем делать лишь одни ампутации! Представляешь?

«Ага, – подумал Рашид, – проблема ампутаций актуальна и здесь».

– Расскажи ему о партии больных, которых привезли с линии фронта. Был у них шанс?

– Нет, – сразу ответил Петро.

– Нет, чёрт побери! – повторил Розен. – Вы что, совсем голову потеряли? У всех раны были забиты мазью и перевязаны. И к тому времени, когда они поступили к нам, у всех была предпосылка к газовой. – Он встал из-за стола, направляясь к стеллажу с литературой. Он прошёлся по книгам, но не нашёл, что искал. Потом махнул рукой. – Есть «Единая доктрина

военно-полевой хирургии». Вы знаете, что там написал Бурденко? «Все хирурги на всех фронтах должны лечить раненых одинаково». Такая регламентация нужна на войне не потому, что этого хочет Бурденко, а потому, что хирургией на фронте занимаются не хирурги, а кто попало и от потолка, как случилось у вас. Одни потери.

– Мы работаем по инструкции, товарищ начальник госпиталя, – прорвался голос лейтенанта. – Ваши обвинения в наш адрес неуместны. – повторил Розен. Офицер встал. – Это вы так считаете. Вы даже не хотите меня выслушать! – Он повысил голос. – Мне ничего не остаётся, кроме как накатать на вас жалобу в Главное медицинское управление. Пусть сам Бурденко с вами разбирается!

Офицер успокоился моментально и сел.

Рашид внимательно слушал и наматывал на ус всю информацию.

Главврач продолжал нервничать и бубнить злословия себе под нос, затем сел за стол.

– Вот что я вам скажу, – продолжил он. – Военно-полевая хирургия предполагает сочетание четырёх составляющих доктрин: эвакуация по назначению, где раненому будет оказана первая положенная помощь; госпитализация, где его должны задержать для лечения в зависимости от вида ранения. Если это хирургия, то в первую очередь вы должны убрать пищу для микробов – разможжённые пулей ткани. Здоровые клетки микробов не боятся, за исключением ядовитых. К ним относятся возбудители газовой гангрены – анаэробы, микроорганизмы, развивающиеся без доступа кислорода. Если нет микробов, то рану можно обрабатывать после шести часов – всё равно будет польза. Можно и не иссекать рану, а только рассекать. Но! Нельзя ни в коем случае её зашивать, как вы это сделали и погубили людей, которые не смогут вернуться на фронт! Пока такие поступят к нам – уже газовая, и надо резать. Понимаете? – После небольшой заминки он продолжил: – Ещё. Встречаются у вас и другие ошибки. При переломах важно использовать шину Дитерихса. При ранениях живота – лечить, как и в мирное время. Только нужно оперировать в первые шесть часов, иначе ждите перитонита. При ранениях груди нужно высосать гемоторакс. Осторожно – трогать только грудную стенку и ушивать пневмоторакс до кожи. Понятно, товарищ лейтенант?

Лейтенант кивнул и опустил голову, изучая свои начищенные до блеска кирзовые сапоги. У него было за что уважать коллектив этого госпиталя – восемьдесят процентов больных возвращались в строй.

– Ладно, – буркнул он, бросив на врача осуждающий взгляд. – Я вам сказал то, что должен был сказать. Я спешу. Мне ещё надо попасть в Дербент. До свидания. – Он громко хлопнул дверью и исчез.

В кабинете наступила тишина.

– Пусть жалуется кому хочет! – произнёс главврач. А это кто, студент? – спросил он, глядя на Рашида с нескрываемым любопытством.

– Да, Дмитрий Николаевич. Прислали из мединститута.

– Молодец, что записываешь, студент! Из тебя будет толк, – сказал он.

– Дмитрий Николаевич, можно я возьму этого молодого парня к себе на обучение и воспитание?

– Что значит «на воспитание»? – недоумённо спросил начальник. – Что, не успел появиться – и уже провинился?

– Так точно, – ответил Петро. – К медсёстрам начал приставать.

– Что подделаешь, Саша, – произнёс начальник. – Молодость играет, и у неё свои законы. Как можно пройти мимо и не заметить красоту наших медсестёр? Расскажи о себе, студент, и о планах на будущее.

Рашид ответил:

– Меня прислали сюда из военкомата, и я готов приступить к работе немедленно.

– К какой работе?

– Я имею в виду – лечить раненых, – доложил Рашид, сохраняя уверенное выражение лица. – Образование – медучилище и четвертый курс мединститута: опыт – ноль. Знания поверхностные. А насчёт будущего – хочу научиться лечить ноги без ампутации.

Петро и Розен переглянулись и явно были не в восторге от признания молодого студента.

– Ты хоть стоял за операционным столом, молодой человек? – спросил Петро.

– Да.

– Оперировал?

– Да.

Он поднял одну бровь: в нём появился интерес.

– Что оперировал?

– Аппендицит.

Вверх взмыли обе брови.

– Как сделал?

– Помогал крючки держать, – не без иронии проговорил Рашид, и улыбка скользнула по губам.

Оценив юмор, Петро хмыкнул. «Глаза добрые, лицо умное – настоящий хирург», – подумал Рашид.

– Надеюсь. Очень надеюсь, сынок, что здесь тебе придётся скоро делать это самостоятельно, – назидательно произнёс Розен. – Начнём с того, что будешь его ассистентом. Будешь одновременно учиться и работать. Профессиональную литературу любишь?

«Кто не читал Пирогова про Крымскую войну, “Севастопольские рассказы”»? – подумал Рашид. – Кругом ранения, трупы и беспомощность хирургии перед инфекциями при повреждениях крупных костей. Массовые и бесполезные ампутации конечностей, переходившие в муки и смерть. Кто не читал “Топографическую анатомию” про ранения войны...»

– Читаю Данилевского «Белый генерал» – про пулевые ранения.

Петро опустил голову, снял колпак с головы, сжал в руках и помял.

– Тяжёлые времена, сынок, – проронил Петро. – Враг под Моздоком. Раненые поступают без конца. Хирурги валяются с ног – представь: по двадцать операций в день, и никто не скулит, не жалуется. Ты станешь хорошим хирургом. Я тоже начинал с аппендицита.

– С крючков? – спросил Рашид.

Петро засмеялся басом.

– Я вижу, за твоим юмором таится характер, – проговорил хирург. – Я тоже был таким. Я передам тебе весь мой опыт и знания. Пошли. Начнёшь с гипсования, скелетного вытяжения, переливания крови и первичной обработки ран...

– Саша! – произнёс Розен. – Научи его хирургии, и чем быстрее, тем лучше. Ох, как они нам нужны!

КРОВОТЕЧЕНИЕ

– Товарищ Петро, скорее, кровотечение! – закричала медсестра, неожиданно появившаяся в дверях. – Раненый умирает...

Петро сдвинулся с места, сказав:

– Хорошо, Дмитрий Николаевич. – Потом, обращаясь к Рашиду: – На одном лишь аппендиците я расскажу тебе целую науку хирургии. Пошли.

Рашид поплёлся вслед за Петро. Кругом железные кровати, между рядами снуют медсёстры с тарелками для шприцов и лекарств. Внутри операционной – запах йода, паров, пота. Медсестра держит рану пожилого еле живого пациента и возбуждённо взывает о помощи, другая беспомощно размахивает жгутом. Вокруг паника: четыре медсестры и один молодой врач,

сбившись в кучу, не знают, с чего начать. Перед ними посреди стола лежит раненый. Голова в грязной повязке, промокшей кровью. Из-под бинтов сочится алая кровь.

– Смотри, сынок, – сказал Петро. – Налицо все признаки внутреннего кровотечения: пульс учащённый. Значит, кровь начала циркулировать быстрее. Кровообращение начинает обслуживать жизненно важные органы вследствие отключения периферического кровообращения. Смотри – руки и ноги холодные. Язык бледный, и веко тоже. Мы не сможем его сдвинуть или перевернуть. Знаешь почему?

– Да, – тихо произнёс Рашид. – Из-за недостатка кислорода может наступить обморок.

– Точно, – подтвердил Петро. – Часто набухают вены на шее при внутривенном кровотечении. Цвет кожи синий. При внутрибрюшном кровотечении брюшина напрягается и сильно болит, наступает «лягушачий живот», натянутый спереди и свисающий по бокам. Если кровь попадает в желудок, можно наблюдать кровавую рвоту. Если же кровотечение внизу желудка, то рвота выглядит в виде кофейной гущи. Понимаешь?

– Кровь алая говорит о том, что кровотечение артериальное, – сказал Рашид. – Кровь выбрасывается толчками, а при венозном кровотечении кровь темно-вишнёвого цвета и течёт непрерывно.

– Молодец, – произнёс Петро. – Я вижу: не зря ты потратил время в институте. Из тебя выйдет хороший доктор. Кровопотеря более пятидесяти процентов вызывает смерть, а быстрая потеря одного литра крови вызывает остановку сердца. Вот поэтому-то надо торопиться, – сказал доктор, отрывая руку с головы больного. – Пойдём, полей мне воды, надо руки помыть, – на ходу продолжал доктор. – Есть несколько способов остановки кровотечения: первый – прижатие артерии к кости пальцем; второй – умелое использование естественных сгибов конечностей. Понимаешь? Третий – использование бинтов и повязок. При давящей повязке кровь останавливается за счёт образования тромба. Тугая тампонада раны используется, если невозможно наложить давящую повязку.

Он сунул руки в тазик с водой, потом крикнул ассистенту: «Почему вода не горячая?» Чуть подождал, пока разогревали воду, и продолжил свой монолог:

– Пастер и Листер – уже антисептика. Ты слышал про французского химика Луи Пастера, который сделал открытие для медицины? Он говорил: «Если бы я имел честь быть хирургом, то, сознавая опасности, которыми грозят зародыши микробов, я сперва бы тщательно промыл руки».

– И Гиппократ об этом говорил, не так ли? – спросил Рашид.

– Ты попал в точку, – подбодрил Петро Рашида. – Скажи любую вещь про медицину и цитируй Гиппократа – не ошибёшься. Правильно думаешь... – Он сделал паузу, представляя предстоящую операцию по кровотечению, добавив: – Сила давления жгута проверяется визуально по пульсу; ниже перевязки конечность должна бледнеть, а не синеть. Ясно? – Он высушил руки и дал команду: «Стащите одежду и на стол!» – Вторичное кровотечение – страшное дело. Кровь временно может остановиться. А потом, дня через два, даст о себе знать. Нужна операция. – Он запустил ножницы в бинт, разрезал и оголил кровоточащую рану. «Йод». – Мы уже большие специалисты на сосудах, – продолжает говорить Петро как бы с самим собой. – Да, Лида? Но проблема: пока найдёшь артерию, проходит много времени. Если не найдём, то сестру оставляем возле больного на ночь. Но умереть от кровотечения не даем никому. Да, Лида? Главное – вовремя найти, где прокол: в сонной, бедренной, ягодичной или подключичной артерии.

Больной застонал и начал бредить.

– Склоните его набок, – дает команду Петро.

– Нельзя, – отвечает сестра. – Захлёбывается.

У больного веки упали на глаза от боли и бессилия.

– Йод! – прокричал доктор. – Перчатки! Новокаин! Потерпи, солдат. Сейчас всё будет хорошо. – Он оголил живот раненого и странно остановился, уставившись на поперечный длинный шов, растянувшийся от рёбер до рёбер. Доктор впал в оцепенение и так простоял несколько секунд. Затем резко, что-то вспомнив, поднял правую руку больного – ещё один шов. Он отпустил руку.

МУКДЕН

– Дима! Дима! – Доктор опознал пациента и свой почерк наложения швов. Дима не отзывался и тихо умирал.

– Пульс?

– Слабая, неполная, – отвечает ассистент. – Он уходит.

– Сейчас, дорогой. Потерпи. – У Петро прорезался другой голос – он начал петь себе под нос, затем громче:

Тихо вокруг, сопки покрыты мглой.

Вот из-за туч блеснула луна,

Могилы хранят покой.

Сестра уставила тупой взгляд с открытым ртом на хирурге, который ни с того ни с сего запел. К чему это?

Больной шевельнул губами. Он что-то хотел сказать.

Тихо вокруг, ветер туман унёс.

На сопках Маньчжурских воины спят

И русских не слышат слёз.

Доктор выпрямился и усилил ноты:

Плачет, плачет мать родная, плачет молодая жена,

Плачут все, как один человек,

Злой рок и судьбу кляня!..

– Петро! – еле выговорил солдат, раскрывая слипшиеся губы и желая подпеть. – Пусть гаолян,.. – Он запнулся и притих. Глаза наполнились слезами.

Петро продолжил:

Пусть гаолян вам навевает сны,

Спите, герои русской земли,

Отчизны родной сыны.

Доктор закончил восклицание и взял в руки инструмент. Старый высокий хирург, лицо закрыто желтоватой марлевой повязкой. Видны лишь глаза, которые изредка ловят ассистента. Руки в резиновых перчатках он держал сложенными в локтях на уровне лица. Рядом с ним застыла молодая девушка.

– Друг! Я не дам тебе умирать и на этот раз, – произнёс доктор. – Кладите его набок. Новокаин! – скомандовал он. – Приготовьте кровь, зажимы. – Замелькали локти, пришли в движение запястья. – Прибавьте свет. Ещё одну лампу.

Он наконец нашёл раненый сосудистый пучок. Рядом бьётся артерия. Он рассёк соединительно-тканевые оболочки, подвёл лигатуру под наружную сонную артерию и наложил мягкий зажим.

– Сестра, очистите рану на ноге и помойте горячей водой от налёта грязи и инфекции.

Он как то по-особенному сложил иголки и передал ассистенту. Наконец распрямился. Прошло часа два после операции, и он красноватыми, усталыми от бессонницы глазами оглянул всех.

– Всё. Дело сделано – будет жить, – сказал он и направился в угол комнаты мыть руки. – Рашид, пойдём со мной, у меня к тебе маленькая просьба. Я хочу прилечь отдохнуть, а заодно почитаю тебе лекцию..

Они почти дошли до комнаты отдыха, и сзади раздался голос другой медсестры:

ТИХИЙ БОЛЬНОЙ

– Доктор! Тут у нас тяжелобольной. Может, посмотрите?

Наружная дверь с шумом хлопнула, и палата заполнилась новыми тревожными голосами. Новое поступление раненых.

Девочка из начального класса читает стихотворение красноармейцу, лежащему на кровати возле окна. Лицо светлое и улыбается. Это опека гражданских над ранеными: они носят тёплые вещи, мёд, молоко, помогают медперсоналу с санитарией. А эта девочка греет душу стихами, и она уверена, что больше всего солдату помогут её слова и напоминание о том, что где-то в России его дочь, точно такая же, как она, читает книжки другому больному.

Она повела Петро по коридору госпиталя к солдату, который всё время молчал. Он, видимо, уже устал стонать и корчиться от боли – он привык, и ему уже всё равно, что с ним будет. С бледным безжизненным лицом и потрескавшимися губами безучастно смотрит в потолок.

– Как ты, солдат? – спросил Петро.

Он еле повернул голову:

– Хорошо.

В начале войны в госпиталь поступали раненые после предварительного этапа лечения, а позже, когда враг приблизился к Дагестану, – прямо с поля боя. Так что картина становилась всё более знакомой

Доктор теряет дар речи. Нога перевязана портянкой, из-под которой сочится кровь. Доктор читает историю болезни: «Осколочное ранение груди и ноги. Температура 39,7. Подлежит немедленной операции».

– А почему вы до сих пор молчали, солдат?

– Думал, что у вас больные потяжелее.

– Нога сильно болит?

– Не болит уже. Дайте воды, сестра, – еле выговаривает больной. – И вот письмо. – Он достаёт из нагрудного кармана сложенный лист бумаги. – Пожалуйста, закиньте в ящик. У меня осталась жена с двумя детьми. Думал, выживу...

– Выживешь, солдат. Выживешь, – подбадривает доктор, кивая головой. – Перенесите на операционный. – Затем, обращаясь к Рашиду: – Пальцы синие. Началась газовая, и все признаки гангрены. Будем ампутировать. Вот такие дела, братец.

Солдата унесли. Доктор сказал:

– Больно смотреть, когда человек чувствует приближение смерти.

Солдат умер. Рашид впал в ступор.

– Скажите, почему вы его оперировали, если были уверены, что он всё равно умрёт?

– Ты не знаешь?

– Нет.

– Запомни, сынок, – начал Петро свой монолог. – Запомни. – Он высоко поднял правую руку и поправил закатанный по локоть рукав. – Нет разницы, умрёт он или нет. У них одинаковые права. Он был жив и имел право на уход – он не должен был умереть без надежды. Ты понял?

– Да, – твёрдо произнес Рашид, убеждаясь, что у старика есть свои принципы.

– Теперь, надеюсь, дадут мне отдохнуть, – пророкотал Петро. – Пошли.

Рашид заметил, как Петро из операционной захватил с собой один шприц и три тубика новокаина. Затем они прошли в маленькую комнату отдыха без окон.

– Рашид, сможешь? – Петро попросил сделать укол и подставил руку.

Рашид испугался:

– Зачем вы это делаете, дядя Саша? – недоумённо спросил Рашид. – Это большая доза.

Петро стал снимать сапоги.

– Видишь, какие стали ноги отёкшие, а глаза покрасневшие? – пролепетал он. – Я очень устал. Нет сил. Мне надо поспать. Без этого я не смогу уснуть,

– Нет, я не могу этого сделать, дядя Саша, – ответил Рашид. – А если не проснёшься? Я буду отвечать за вас?

– Называй меня Петро, как и все.

– Почему Петро? – с изумлением спросил Рашид.

– Я сирота, – со вздохом проговорил Петро. – Я не смог узнать, кто мой отец, кто моя мать. Поэтому у меня нет отчества. Я привык к этому имени, которое мне дал Бурденко.

– А Бурденко какое имеет отношение к вам?

– Он мой друг и однокурсник. – Он полез в шкаф и достал толстую книжку без переплёта: «Указания по военно-полевой хирургии». Вслед за книгой из шкафа вывалился свёрток с продовольственным пайком. – Видишь, есть что поесть, а кушать не хочется. Забери паёк домой. Эту книгу тоже. Автор – Бурденко. Он сейчас главный хирург страны. Хорошо всё изложено. Почитай обязательно. Завтра спрошу. Ещё я тебя познакомлю с этой девушкой, если хочешь. У неё есть история любви и трагедия. Поэтому она всегда грустная. – Он вытянул ноги на кушетке в маленькой комнатухе под лестницами. – Ладно, я сам сделаю укол – не впервые. До завтра, Рашид.

– Дядя Саша, вы можете объяснить то, что случилось на операции?

Он поднял голову и тупо посмотрел на Рашида:

– Я оперировал.

– Нет, я имею в виду песню.

Он откинул голову и долго молчал.

– Я по швам на животе и под мышкой узнал солдата, которого оперировал в Маньчжурии. А песня эта – марш «На сопках Маньчжурии». Эх... – Он вздохнул. – Мукден. Тогда, в 1905 году, четыре тысячи солдат с ружьями без патронов и орудиями без снарядов отстояли позиции против японцев. После рукопашного боя в живых осталось четыреста. Он – один из них.

Рашид молчал и ждал продолжения.

– Одним из грандиозных сражений той забытой Русско-японской войны было сражение под Мукденом, в котором с обеих сторон участвовало более полумиллиона человек и двадцать пять тысяч орудий, – сказал Петро. Рашид слушал затаив дыхание, потому что Петро изливал душу. – К началу марта 1905 года дошло до того, что в некоторых подразделениях русской армии закончились боеприпасы – как снаряды для пушек, так и патроны для винтовок. Мокшанский пехотный полк был одним из таких подразделений.

На рассвете серого мартовского дня, когда на востоке едва проступила первая светлая полоска, подгоняемые попутным ветром японцы собрались в наступление на почти безоружных русских.

«Знамя и музыканты – вперёд!» – приказал командир полка.

Капельмейстер Илья Шатров вывел музыкантов вперёд.

В рукопашном бою стенка на стенку кто может быть беззащитнее знаменосцев и музыкантов? Никто. Но горнист проиграл сигнал – грянул марш, и они увлекли за собой в атаку весь полк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.